

Юрий

Цинговатов

ЮНАЯ ПОЭТЕССА

Честь открытия писателя, пушкиниста Николая Алексеевича Раевского, несомненно, принадлежит редакции казахстанского журнала «Простор». Об этом стоит напомнить, поскольку в минувшем 2014 году Раевскому исполнилось 120 лет.

После разгрома Врангеля и эвакуации Белой армии из Крыма Раевский несколько лет скитался по военным лагерям в Турции, Греции, Болгарии и, наконец, в 1924 году оказался в чешской столице Праге, где прожил до середины мая 1945 года.

На протяжении всей своей эмигрантской жизни он вел дневники, а потом долго и безуспешно искал их. Загадочная история этих дневников убедительно подтверждается выражением древних – «У рукописей своя судьба»... Их открытию мы обязаны литературоведу, профессору Карлова университета в Праге, нашему соотечественнику – Владимиру Ивановичу Крестовскому. Он родился перед войной в эмигрантской семье в Чехословакии, окончил русскую гимназию, получил высшее образование, защитил диссертацию. Стал горячим сторонником развития чешско-русских культурных связей, знатоком русского литературного зарубежья. В последние годы в центре его научных интересов – исследование биографии и творчества Н.А.Раевского, которого он помнит еще со своих гимназических лет.

«В начале 1945 года, – рассказывает Владимир Иванович, – когда советско-германский фронт уже находился на территории Словакии, Раевский собрал свой литературный архив и запечатал его в два пакета. Один пакет он отдал на сохранение своему доброму знакомому доценту медицины Карлова университета Петеру Кафке, а другой – пражскому адвокату Курцвайлу.

В 80-е годы Раевский приезжал в Прагу в надежде разыскать свой архив и дневники, которые он «мечтал на старости лет с нежностью перечитывать». Но тщетно. Профессор Кафка к тому времени уже скончался, а следы переданных ему материалов затерялись. Курцвайл же так и не смог вспомнить, куда он спрятал пакет.

Позднее, уже после отъезда расстроенного Раевского, мне позвонила дочь Курцвайла, с которой я был знаком. Она сообщила, что со своим мужем-французом готовится переехать во Францию и, перебирая старые вещи, наткнулась в подвале дома на запечатанный сургучом пакет «какого-то» Раевского. Она интересовалась, не знаю ли я этого человека. Тогда я не сразу понял, что речь идет о Раевском-пушкинисте. В памяти всплыли эпизоды из жизни русской гимназии в Праге. Среди взрослых завсегдаев школьных новогодних ёлок был и Раевский. За полноту гимназисты прозвали его «пупочка». Я сказал моей знакомой, что, кажется, знаю этого человека. Вскоре пакет лежал на моем столе. Он был уже распечатан. Внутри оказалось несколько общих тетрадей с рукописями, записные книжки карманного формата, литературные наброски, фотографии.

Два года я работал над этими материалами, расшифровывал их, переписывал, – словом, готовил к печати. О найденном архиве я сообщил российским коллегам, но в начале бурных и переломных девяностых годов интерес к ним в Москве не проявили. Дело тогда ограничилось публикацией моей статьи о сделанном открытии в «Литературной газете» (№ 10, 9.3.1994 г.). Когда началась подготовка к 200-летию Пушкина, я передал архив Раевского созданному тогда в Праге «Пушкинскому фонду».

К письму Владимир Иванович приложил электронные выдержки из упомянутых дневников, собственные комментарии к ним и любезно разрешил их публиковать.

Дневники – это мемуары, не отягощенные позднейшим жизненным опытом и другими сопутствующими обстоятельствами. Тема дневников Раевского – летопись жизни русского эмигранта. В них повседневный быт холостяка, заботы, переживания об оставшихся в России родителях, братьях, сестре, связь с которыми носит редкий и эпизодический характер. Имеются подробные записи о посещении Праги деятелями белого движения, их выступлениях перед публикой, впечатления от концертов Шаляпина, балерины Анны Павловой... Много места занимают описания природы, сделанные тонким наблюдателем и основательным специалистом. В некоторых записях Раевский предстает автором изящных новелл. Он доверяет дневникам собственные романтические увлечения и переживания.

С 1940 по 1945 гг. в дневниках подробно описаны знакомство и отношения с юной поэтессой красавицей Ольгой Крейчи (по-чешски – Крейчева), ученицей русской гимназии, ставшей музой писателя в последние годы его эмигрантской жизни. Сегодня это наиболее ценный источник сведений о трагической судьбе рано ушедшей из жизни одаренной личности. Ее стихи многие неизменно оценивали, как освященные высоким талантом и тонким дарованием.

Сколько-нибудь полной биографии Ольги Карловны Крейчи обнаружить не удалось. Вот лишь ее основные вехи. Родилась 11 мая 1923 г. в семье чешского legionера, служившего у белых в период Гражданской войны в России. Здесь он познакомился с будущей матерью Ольги. Возвратившись в Чехословакию, отец вскоре после рождения дочери ушел из семьи, бросив ее в чужой стране, без средств к существованию. О матери Ольги каких-либо заслуживающих доверия сведений также не имеется. Раевский приводит воспоминания бывшей гимназической воспитательницы Ольги: «Не только отец Оли – жулик (она сама мне это сказала), но и мать, по-видимому, была особой легкого поведения...» При поступлении в гимназию девочка говорила на смеси украинского и чешского языков.

Со слов пражского православного священника отца Исаакия, знавшего Олю с малых лет, Раевский записал: «В детстве она была ласковой девочкой, но позднее стала много замкнутей. У неё была в жизни тяжелая пора...»

Встреча с Ольгой случилась, когда она стремительно превращалась из угловатого подростка в юную красавицу, женщину, мать. Раевский не сразу заметил проскочившую между ними искру, вызвавшую в нем чувства совсем иные, чем он испытывал к своим прежним влюбленным. Записи его в те годы могли бы составить целый роман или, скорее, набросок к роману. Единственное отличие

от настоящего романа – в них не выдуманная автором, а вполне реальная жизнь реальных людей. Никаких придуманных образов и персонажей. Любовный треугольник на фоне грохочущей где-то войны. Все подлинное, все настоящее. Пять лет одухотворенной любви, ревности, страданий, терзаний, трагических надломов, рождений и смертей в обрамлении Ольгиной поэзии.

Листая отзывы о ее стихах Раевского, других читателей, можно подумать, что знавшие ее мужчины, очарованные ее внешностью, исходившим от нее эротическим магнетизмом, не скупилась на комплименты и откровенную лесть, как, например, князь Шварценберг – богатый чешский аристократ, сделавший несколько переводов ее стихов на немецкий язык. Но немало отзывов и от людей, ее лично не знавших. Среди них Федор Степун, философ, литератор, критик, или автор мемуаров «Миражи и действительность» тогдашний сотрудник Русского архива в Праге Дмитрий Мейснер... Им совершенно не было смысла говорить приятности юному дарованию.

Раевский записывает в дневнике: «Маленькая стала держаться очень хорошо. Бывать с ней на людях приятно. Проста, естественна, спокойна. Нимало не ломается».

Но кипящие в юном создании страсти не дают покоя ни ей, ни окружающим. Она постоянно находится на грани срыва. Жизнь ее протекает на фоне полной неустраиваемости, безденежья, в объятиях ее безвольного и слабохарактерного сверстника, который не может по достоинству оценить ни ее поэтического таланта, ни красоты.

Учебу в гимназии пришлось оставить, из комнатки, в которой она ютилась, ее выгоняют, а родители жениха запрещают сыну встречаться с ней. К этому добавляется неожиданная беременность, которая разрешается преждевременным рождением дочери.

Раевский продолжает хранить романтическую верность поэтессе, помогает и покровительствует ей, делится с ней своими скудными заработками, занимается ее образованием и, наконец, приступает к фантастическому проекту – подготовке к изданию ее стихов... Сам он в этот период неистово и напряженно и, надо заметить, весьма плодотворно работает над пушкинской темой.

Однако и эта кое-как налаженная, но весьма скромная жизнь внезапно обрывается. На следующий день после нападения Германии на СССР Раевского арестовало гестапо. 54 дня он провел в гестаповских застенках. В дневниках нет упоминаний причин его заключения и предъявленных ему обвинений. Ничего. Только нескрываемая радость по поводу освобождения. Но, вероятно, вследствие проведенных в гестапо «профилактических» мероприятий, из дневника почти исчезают военно-политические комментарии боевых действий, которые раньше были чуть ли не главной темой его записок. Лишь эпизодически упоминается положение на Восточном и других фронтах. В целом записи о войне в России очень скупы. Зато возросло число, подчас явно демонстративных, славословий в адрес германского оружия. Несмотря на осторожный, иногда иносказательный характер записей о войне, Раевский дает понять, что не примет симпатий Ольги к сражающейся России. Это становится поводом для охлаждения отношений. Раевского тяготит и угнетает кризис в их дружбе. Но он

не может смириться с победами Красной армии, видя в них неминуемую перспективу наказания за участие в Белом движении. К этим раздумьям прибавляются и воспоминания о пребывании в застенках пражского гестапо, оставившего мрачный след в его памяти. Во всяком случае, прилюдно, он старался демонстрировать лояльное отношение к протекторату и хозяйничавшим там немцам.

Перевернув последнюю страницу дневника, прочитанного в один присест, я позвонил в Прагу Владимиру Ивановичу Крестовскому. Вопросов было немного: что известно об Ольге Крейчи, сверх описанного в дневниках, как сложилась ее судьба, сохранились ли ее стихи? Владимир Иванович отвечал односложно и скупое. В его ответах сквозило предубеждение к юной поэтессе, не оправдавшей надежд Раевского. Он ограничился лишь

общими сухими замечаниями: «Поэтессы уже нет в живых. Без поддержки Раевского ее жизнь покатила под откос, и сегодня вряд ли кто помнит о ее конце». Ее муж Слава Шеттнер умер в 90-е годы ушедшего столетия, и подробности его послевоенной жизни Крестовскому не известны. Что касается стихов Ольги, то можно, мол, поискать их в Национальной библиотеке...

Зная образцовый порядок, царящий в чешских книгохранилищах, я набрал номер своего давнего знакомого пражского журналиста Андрея Фозикоша и попросил попробовать отыскать сборники стихов Ольги Крейчи, выпущенных в 1942 и 1944 годах микроскопическим тиражом в 100 экземпляров. Через пару дней Андрей сообщил: с помощью сотрудницы Национальной библиотеки Штепанки Ружечковой книжечки извлечены из запасников, а их ксерокопии он высылает электронной почтой!

И вот, они передо мной. Ольга Крейчева. «На пороге». Прага, 1942, 36 стр. Второй сборник – «Новый путь». Прага, 1944, 30 страниц. На нем надпись рукой Ольги: «Русскому Историческому архиву от автора. Прага. 1 мая 1944». Старая графика... Бледный машинописный текст. Но удивительно прозрачный русский слог автора, который никогда не видел Россию, музыкальность и гибкость слова... Иногда кому-то подражает, но в общем свое – Ольгино. Есть девичье, поверхностное, но есть и совсем не детская глубина мысли, характер, страсть. Чувствуется, что стихи просеяны через сито нацистской цензуры – в них нет ни строчки о России, хотя тема Родины, которую она никогда не видела, трогала и волновала ее...

Упомянутые в дневниках люди, как и сам их автор, стали известны и знамениты: Владимир Набоков, Карел Шварценберг, Федор Степун, Дмитрий Мейснер, президент протектората Гаха, и генерал Войцеховский – все они заняли свое место в истории (неважно, в «плохой» или «хорошей»), о них пишут исследования, составляют их биографии... В них, однако, не упоминают имени юной поэтессы, которой они поклонялись, стихами которой восхищались. Даже в архивах Ольшанского кладбища в Праге удалось обнаружить лишь номер участка, где покоится «Крейчи-Шеттнер Ольга, поэтесса». Но на участке уже другие захоронения и памятники.

О жизни Оли до поступления в русскую гимназию, где она жила в интернате, мало что известно. Здесь прошли ее не особенно радостные годы отрочества и юности. Здесь она предавалась романтическим мечтам и грезам, наложившим

отпечаток на ее впечатлительную натуру. Позднее они вылились в стихи, так поразившие их взрослых читателей. Тем более что, по замечанию В.И.Крестовского, «существование в эмигрантской клоаке не оставляло перспектив».

Об этом читаем и в записях Раевского, хотя они подчас отрывочны, иносказательны, но вполне очевидно, что одна из самых острых размолвок с Ольгой происходит по поводу брошенного ею упрека в «эгоистическом отношении к России», ведущей смертельную борьбу с фашизмом. Раевский оправдывается. Он не все может доверить дневнику, но ясно, что поэтесса не приемлет идеи победы фашистов над Россией! Противное означает крах Белой идеи, всего, во что верил Раевский... По мере успехов Красной армии он и сам начинает понимать это. Он пытается уйти от реальных фактов в мир фантастических иллюзий. Не случайно последние страницы дневника – это грустноностальгическая попытка изобразить фантастические приключения «осколков империи» на экзотических Соломоновых островах! Это откровенное признание краха и поражения всей Белой идеи, сторонником которой оставался Раевский, абсурдность которой на подсознательном уровне чувствовала Ольга.

Рискну предположить, что трагизм дневников и всей жизни Раевского – в глубоком конфликте с реальностью, в которой он очень долго не мог найти своего места и разрывался между собственными романтическими представлениями и суровой правдой жизни...

* * *

В современных публикациях о Раевском мелькали сообщения, что поэтесса Ольга Крейчи умерла от чахотки во время войны. Однако сам Раевский опровергает эти сведения.

Последнее упоминание об Ольге находим в его воспоминаниях «Возвращение», где описывается вступление советских войск в Прагу. Тогда он принял твердое решение: если вопреки ожиданиям в Прагу войдут не американцы, а Красная армия, он примет запасенный на этот случай яд. «К счастью, яда мне достать не удалось, но на всякий случай у меня была заготовлена отличная веревка с надежной петлей, однако в тот ликующий день, когда Прага засыпала розами советские танки, а друг мой Ольга Крейчева-Шеттнер, забравшись на один из них, читала советским воинам свои патриотические стихи, а потом, на том же танке танцевала чечетку, повеситься было невозможно. И все же, увидев в конце улицы первый советский танк, я сказал:

– Вот, девушки, ползет моя смерть.

Мне объяснили:

– Николай Алексеевич, это идет наша армия, русская армия, успокойтесь!

Я с трудом, но успокоился и через несколько часов с интересом смотрел на грохочущие колонны прекрасных к тому времени танков Т-34 армии генерала Рыбалко, которая вошла в Прагу. Мне казалось, что я спокойно ждал, что же со мной будет, и, как мне казалось, спокойно отнесся к аресту».

По документам поэтесса Ольга Крейчи-Шеттнер была захоронена на Ольшанском кладбище в Праге, но сегодня никаких следов ее могилы не сохранилось...

